

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-24-31

РАЗГОВОРНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА)

© Елена Колосова, Ли Мэни

COLLOQUIAL VERBS IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE WORKS OF WOMEN'S PROSE OF THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES)

Elena Kolosova, Li Mengyi

Based on the works of women's prose of the late 20th–early 21st centuries, this article analyzes colloquial speech as a special kind of fictional language, its features in depicting the dynamics of the surrounding world and describing human life. The factual material for the study was selected from the collections of short stories by D. Rubina ("It Hurts Only When I Laugh"), L. Petrushevskaya ("Nobody Wants Me. I'm Free") and L. Ulitskaya ("Poor Relatives"). The leading research method is the descriptive method; the methods of contextual and stylistic analyses were used to analyze contextual examples. We selected examples by the continuous sampling method. These are the speech characteristics of characters and the linguistic means of describing the actions and states of a person's inner world that primarily attract us when we study the characteristics of colloquial speech in a literary text. In order to clarify the individual stylistic techniques of using colloquial speech at the level of verbal vocabulary, we analyzed contextual examples from short stories of women's prose. In the course of our study of the colloquial speech stylization techniques through the use of semantic and stylistic possibilities of Russian verbs in a literary text, we came to the conclusion that the creation of ease and special colloquiality of speech is primarily facilitated by the use of colloquial and common language elements, which enhance expression, as well as the use of occasional formations. The article notes that each representative of modern women's prose uses their own individual stylization techniques. Thus, D. Rubina is found to actively use onomatopoeic verbs and associative semantic connections; L. Petrushevskaya works with the semantics of colloquial verbs, using their figurative meanings; L. Ulitskaya creates colloquial expression by using colloquial, common language elements not only in the speech of her characters, but also in the speech of the author-narrator.

Keywords: Russian language, verb, literary text, women's prose, stylistics, colloquial style

Статья посвящена анализу разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы, ее особенностям в изображении динамики окружающего мира и описании жизни человека на примере произведений женской прозы конца XX – начала XXI вв. Фактический материал для изучения отбирался из сборников рассказов Д. Рубиной («Больно, только когда смеюсь»), Л. Петрушевской («Никому не нужна. Свободна») и Л. Улицкой («Бедные родственники»). Ведущим методом исследования является описательный метод, для анализа контекстных примеров также применялись методы контекстуального и стилистического анализа, отбор примеров осуществлялся методом сплошной выборки. При изучении характеристики разговорной речи в художественном тексте в первую очередь привлекают речевые характеристики персонажей, а также языковые средства описания действия и состояния внутреннего мира человека. С целью выяснения индивидуальных стилистических приемов использования разговорной речи на уровне глагольной лексики в произведениях женской прозы были проанализированы контекстные примеры из рассказов. В ходе исследования приемов стилизации разговорной речи в художественном тексте посредством использования семантико-стилистических возможностей русских глаголов авторы статьи пришли к выводу, что созданию непринужденности, особой коллоквиальности речи способствуют прежде всего употребление самих разговорных и просторечных элементов, которые усиливают экспрессию, а также использование окказиональных образований. Было отмечено, что каждый представитель современной женской прозы использует свои индивидуальные приемы стилизации. Так, у Д. Рубиной было отмечено активное использование звукоподражательных глаголов, проведение ассоциативных семантических связей; у Л. Петрушевской – работа с семантикой раз-

говорных глаголов, использование их переносных значений; у Л. Улицкой – создание разговорной экспрессии за счет использования разговорных, просторечных элементов не только в речи героев, но и в речи автора-повествователя.

Ключевые слова: русский язык, глагол, художественный текст, женская проза, стилистика, разговорный стиль

Разговорная речь в широком смысле является одной из разновидностей национального языка, используется в коммуникативном процессе и представляет собой устное, непринужденное действие, в которое могут быть включены любые языковые единицы: нейтральные, книжные, разговорные, просторечные, грубые и т. д. А в узком ее понимании разговорная речь трактуется как один из функциональных вариантов литературного языка, имеющий сниженную окраску.

Стиль художественной литературы часто определяется как совмещение всех стилей воедино, соответственно, язык художественной литературы вбирает в себя все элементы функциональных стилей, в том числе в нем широко используются элементы разговорного стиля. Могут употребляться языковые средства, находящиеся за пределами литературного языка, включаются жаргонизмы, диалектизмы, просторечия и т. д. Считается, что использование разговорных элементов в рамках художественного текста может быть связано с общей тенденцией по направлению к демократизации самого национального языка и языка художественной литературы в целом. Смена парадигмы в литературе обусловлена как национальными особенностями, так и историческими причинами развития.

Многие исследователи отмечают, что женская проза – это феномен, который транслирует миру особый взгляд женщин на себя и мир вокруг себя, «...возникающий в процессе освоения женщинами публичного пространства» [1, с. 1021]. В русской литературе конца XX – начала XXI вв. привлекает внимание творчество женщин-писательниц, активно отстаивающих право женщины на самостоятельный выбор своей судьбы, на достойное место в этом мире, поднимающих различные социальные темы, создающих в своих произведениях новую реальность. Наряду с признанными мастерами слова, такими как Т. Толстая, Виктория Токарева, Д. Улицкая, Дина Рубина, Л. Петрушевская, Г. Щербакова, появляются новые имена: Елена Чижова, Наринэ Абгарян, Гузель Яхина. В работах, посвященных анализу творчества представительниц женской прозы, существует точка зрения, что русская женская проза «...подчеркнуто индивидуальна, передает неповторимость языковой личности автора» [2, с. 4].

В данной статье анализируется использование элементов разговорного стиля на уровне глагольной лексики в произведениях женской прозы конца XX – начала XXI вв. Экспрессия русского глагола предоставляет писателям прекрасные возможности создавать точные, объемные картины повествования. «Речь, насыщенная глаголами, выразительно рисует стремительно разворачивающиеся события, создает энергию и напряженность повествования» [3]. Глагольная лексика и ее стилистические функции в художественных текстах являлись объектом изучения в многочисленных исследованиях. Теоретическими исследованиями этого явления занимались такие ученые, как И. Б. Голуб (1997, 2012), Е. В. Широкова (2005), В. А. Славина (2005), Л. А. Новиков (2001), И. Г. Зумбулидзе (2011) и др. Проблема исследования особенностей женской прозы конца XX – начала XXI вв. часто рассматривается с позиций гендерных особенностей «женского письма» и в целом женской литературной традиции, например, в исследованиях Ю. Л. Высочинной (2007), О. А. Бычковой (2008), Е. А. Плотниковой (2011), Л. Д. Титаревой (2015) и др. Основным методом исследования был описательный метод с использованием приемов наблюдения, а также применялись контекстуальный и стилистический анализы. Материалом исследования послужили произведения известных представительниц современной женской прозы, а именно рассказы Дины Рубиной (сб. «Больно только когда смеюсь» (2010)), Людмилы Улицкой (сб. «Бедные родственники» (1993)), Людмилы Петрушевской (сб. «Никому не нужна. Свободна.» (2018)).

Обратимся к произведениям одной из выдающихся представительниц современной женской прозы, талантливой писательницы Дины Рубиной. Дина Рубина заявила о себе, опубликовав в 16 лет в журнале «Юность» свой первый рассказ «Беспокойная натура» (1971). За время творческой деятельности эта представительница русскоязычной женской прозы зарекомендовала себя как великий мастер слова, владеющий всеми приемами создания экспрессии в тексте. В ее творческом багаже большое количество рассказов, повестей, эссе, вошедших в сборники «Когда же пойдет снег?» (1980), «Уроки музыки» (1996), «Несколько торопливых слов о любви» (2003), «Любка» (2009), «Окна» (2012) и др., а также ро-

маны «Синдром Петрушки» (2010), «Русская канарейка» (2014), «Наполеонов обоз» (2018-2019), «Маньяк Гуревич» (2021) и др. Оценки ее творчества в критике неоднозначны, но тем не менее они лишь подтверждают ее талант и умение создавать яркие картины повествования: «...в современной русской литературе не так много фигур, которые вызвали бы настолько полярные оценки, как Дина Рубина. Одни числят ее по разряду „массовой словесности“, отказывая в праве на сколько-нибудь серьезное отношение со стороны критики, другие полагают, что по мастерству сюжетостроения, колоритности персонажей, точности и сочности описаний у Рубиной сейчас мало соперников в отечественной прозе» [4].

В рассказе Дины Рубиной «Внесезонная книжка» встречаем следующий пример употребления разговорного стиля: *Я примчалась на грохот, увидела останки боевого товарища и пронзительно закричала, как певцы расппеваются: на «а-а-а-а».* [5, с. 1]. По свидетельству словаря, глагол *распеться* (разг.) имеет следующие значения: 1. Начав петь, увлечься. *Дети распелись.* 2. Пропев некоторое время, начать петь хорошо. *Певец распелся.* || *распеваться* [6]. Здесь разговорный глагол помогает создать выразительную картинку, писательница иронически описывает действия героини, в то же время как бы озвучивает повествование, проводит параллели с хором певцов, не случайно приведено пояснение, как они расппеваются на «а-а-а-а», в то время как героиня рассказа пронзительно кричит, громко, на одной звуковой волне. В рассказе отмечаем общую стилизацию разговорной речи, поэтому частотность употребления разговорных элементов, в том числе глаголов, необходима: *И наутро под мои причитания мы поволокли компьютер в ремонтную мастерскую* [5, с. 1]. Дина Рубина в контексте употребляет просторечное приставочное образование от глагола *волочь* (ср. с *волочить* (нейтр.): *волочь* (прост.). То же, что *волочить* (в 1 знач.); *волочить* 1. Тащить, тянуть по земле. *В. мешок. Еле ноги в.* (идти с большим трудом). 2. Вытягивать металлические заготовки в нить (спец.). *В. проволоку.* [6]. Читатели понимают, что в данном случае глагол употреблен не только как указание на тяжелую ношу (использовано ядро глагольного значения «тащить, тянуть» с уточнением «с большим трудом»), но и вынужденную. Героиня рассказа не стала бы ремонтировать этот компьютер, а выбросила бы его, но там хранится все то, чем она занимается, вся ее творческая жизнь, поэтому восклицание совмещено с яркой экспрессией: *«Подарить старьевщикам?! – ахнула я. – Там внутри все мои книги!!!»* [5, с. 1]. Стилизация разговорности

в тексте довольно часто создается писателями за счет активного употребления звукоподражательных глаголов, которые изначально «работают» в разговорном стиле. Например, писательница для характеристики действия героини в авторских ремарках использует однократный вариант глагола *ахнуть* от *ахать* (разг.): *Выражать чувства (удивления, досады, сожаления), восклицая «ах!».* || *однокр. ахнуть* [6]. Досада героини в реплике, обращенной к мужу, который не понимает ценность ее компьютера, передается именно звукоподражательной глагольной лексемой: она не просто крикнула, она ахнула, чтобы эмоционально выразить свою досаду, и так читатели могут интуитивно почувствовать изменения настроения и переживание персонажа. Дина Рубина продолжает повествование, не снижая экспрессию, вкрапляя в описание действий своих героев звукоподражательные глаголы, чтобы передать данную мизансцену. В ответ на крики жены муж реагирует следующим образом: *Он помолчал, похмыкал* [5, с. 14]. Писательница обращается к звукоподражательному глаголу, при этом использует префиксальный глагольный вариант, передающий интенсивность действия, повторяемость: *похмыкать*, ср. с глаголом *хмыкать* (разг.): *Произносить «хм» в знак выражения недоумения, иронии, недоверия и других подобных чувств.* *Неодобрительно х.* || *однокр. хмыкнуть* [6]. Здесь глагол *похмыкать* точно и экспрессивно описал психологическое состояние героя: был в нерешительности, не знал, как реагировать. Вообще приверженность к передаче звуковой стороны повествования, состояния героев, их действий характерна для Дины Рубиной, при этом надо отметить, что она обращается к этим глаголам именно для создания особого типа повествования, имитирующего обычную речь.

Встречаются в произведениях Дины Рубиной и примеры соединения разговорных элементов с высокой лексикой для создания иронии: *...Ну, грохнулись на эту землю, как вы там говорите, обетованную, поначалу здорово задницы отбили...* [5, с. 17]. Сопоставим (разг.) *грохнулись на землю* – (разг., груб.), *задницы отбили*, но: *обетованная земля, обетованный край* (высок.) – изобильный и счастливый край, место, куда кто-н. стремится попасть [6]. Несомненно, такое явное несоответствие коннотаций, мозаичность в употреблении языковых единиц характерны для разговорной речи, которую писательница умело воссоздает, дополнительно вкрапляя в реплику героини сниженные разговорные образования, которые часто используют в неподготовленной речи, такие как межфразовые скрепы *ну, там.*

Не менее ярким элементом в создании экспрессии в художественном тексте является просторечная глагольная лексика. Просторечие традиционно используется писателями для стилизации разговорной речи, оно характеризуется особым набором типичных черт, среди которых фонетические, лексические, синтаксические особенности. В рассказе Дины Рубиной «Разнообразно святой Иерусалим» отмечаем контексты: *Слышь, ну дело такое... надо бы обмыть...* [5, с. 48]. Здесь глагол *обмыть* как просторечие употребляется в переносном значении *выпить*: *обмыть* 1. То же, что *вспрыснуть* (во 2 знач.) (прост.). *О. премию. // 2. перен.* Отпраздновать что-н., выпив вина, устроив угощение (разг.). *О. попку* [6]. Использование просторечия создает особый настрой, подчеркивает намеренную разговорность в репликах героев. В контексте встречаются обороты-паразиты, которые часто фиксируются в речи носителей, например: *дело такое*. Сама фраза выстроена таким образом, чтобы как можно точнее передать интонации разговорной речи, поэтому используются так называемые маркеры разговорной речи, например, глаголы, которые должны привлечь внимание адресата к высказыванию. В контексте у Дины Рубиной использована форма повелительного наклонения во 2 л. ед. ч. с типичной разговорной редукцией *слышь* (ср. разг. *слушай, знаешь, видишь, смотри* и др.).

В данной статье мы проанализировали использование семантико-стилистических возможностей русского глагола в создании намеренной разговорности повествования в художественном тексте. Обратившись к творчеству еще одной представительницы современной русской литературы – Людмилы Улицкой, мы обнаружили достаточно большое количество примеров, подтверждающих использование разговорных глаголов для создания экспрессии повествования. Язык произведений Людмилы Улицкой характеризуется прежде всего тем, что она создала свой особый, уникальный художественный мир. Дебютная повесть «Сонечка» (1992), снискавшая популярность за границей, была напечатана в журнале «Новый мир». За время своего долгого творческого пути Людмила Улицкая создала много ярких образов в романах («Медя и ее дети» (1996), «Казус Кукоцкого» (2001), «Зеленый шатер» (2011) и др.), рассказах (сб. «Девочки» (2002), «Люди нашего царя» (2005), «О теле души» (2019) и др.), пьесах (сб. «Русское варенье и другое» (2008), «Бумажный театр: непроза» (2020) и др.). По ее произведениям сняты фильмы, она стала первой женщиной лауреатом литературной премии «Русский Букер».

В рассказах Л. Улицкой широко используется разговорная лексика, в том числе глаголы, для описания героев. Например, в рассказе «Счастливые» при описании фотографии сына главных героев на его могиле встречаем глаголы *ускользнуть, улетучиться*, призванные показать то, что осталась только в памяти, за кадром: *Все остальные выражения его широкого милого лица, мстя за то, что не они были выбраны для представительства, незаметно ускользнули и улетучились...* [7, с. 2]. В контексте используются глаголы-синонимы *ускользнуть* и *улетучиться* для передачи быстрой смены события, в данном случае изменения выражения лица ребенка. Кроме этого, указанные действия подкрепляются описанием совершения действия наречием *незаметно*. На наш взгляд, интерес вызывает именно работа писателя по созданию образа, глагол *ускользнуть* автор использует в переносном значении: 1. Скользнув, вырваться. *Рыбка ускользнула из рук. 2. перен.* Быстро и внезапно уйти, скрыться, исчезнуть; незаметно, тайно отправиться куда-н. (разг.). *У. из дома. У. к приятелю. Надежда ускользнула. 3. (1 и 2 л. не употр.), перен.* Остаться незамеченным. *Не ускользнуть от чьего-н. внимания* (быть замеченным). || *ускользать* [6]. При этом используется прием олицетворения, так как производят данные действия «выражения лица» на застывшем фото, они и мстят, и ускользают, и улетучиваются. У второго глагола еще более яркая экспрессия, здесь автор, на наш взгляд, совмещает значения, трансформирует их: *улетучиться* 1. (1 и 2 л. не употр.). Исчезнуть, обратившись в газообразное состояние. *Запахи улетучились. 2. перен.* Уйти, пропасть (разг. шутил.). *Деньги быстро улетучились. Куда-то улетучился кто-н.* (непонятно куда делся). || *улетучиваться* [Там же]. Данный пример свидетельствует о том, что Л. Улицкая использует семантические возможности разговорных элементов в речи автора-повествователя. Подобренные приставочные образования глаголов (ср. *лететь* – *улететь*, *скользнуть* – *ускользнуть*) подводят читателя к мысли о быстротечности всего вокруг: того, что ушло, вернуть нельзя, оно осталось где-то там: ускользнуло, улетучилось, ушло. В этом же рассказе можно встретить примеры использования разговорных глаголов для описания действий героев. Берта и Матиас – главные герои рассказа «Счастливые», супружеская пара – ведут себя как добрые и простые люди, у них уравновешенный характер, эмоции также выражаются спокойно, поэтому писатель применяет разговорные глаголы: *«Ничего, ничего», – пробормотал он, сильно и тяжело поворачивая к себе левой рукой отвернувшуюся жену* [7, с. 3].

Глагол *пробормотать* можно отнести к звуко-подражаниям, связанным с говорением: *пробормотать* (разг.) сказать быстро и невнятно, произнести бормоча [6]. Несмотря на то, что Матиас не знает, как успокаивать жену, он старается, пытается что-то говорить, но это еще что-то неясное, непонятное. Реплика героя носит разговорный характер, использование синтаксической конструкции с повторением слов для успокоения «ничего, ничего» воспринимается как яркий пример стилизации коллоквиальности речи, подкрепленный авторской характеристикой произведенного действия.

Стоит отметить, что в произведениях Людмилы Улицкой можно проследить связь между использованием разговорных глаголов и характеристикой самих персонажей, при этом происходит распределение всей глагольной лексики в рамках художественного текста. Например, в рассказе «Бедные родственники» писательница использовала разговорные и просторечные глаголы для описания действия и состояния Аси, а нейтральные лексемы употребляются ею для описания Анны. Благодаря такому яркому приему сравнения самих глаголов читатели чувствуют разницу между нормальными людьми и людьми с особенностями, не такими, как все: *Анна Марковна засмеялась...* [7, с. 7]; *...целуя Анечкину полную щеку и не переставая хихикать, избыточно и фальшиво говорила Ася...* [Там же, с. 5]. Глагол *засмеяться* совершенно нейтральный, обозначает начало действия: Начать смеяться (в 1 знач.). *Весело* з. [6], тогда как глагол *хихикать* относится к разговорному стилю, используется со значением «Смеяться тихо или исподтишка, со злорадством» [Там же]. Глагол *хихикать*, а также его однокоренные образования (однократный вариант гл. *хихикнуть*, сущ. *хихиканье*) не один раз появляются в тексте для описания улыбки героини: *...потому что по дурацкому хихиканью за дверью, да и по календарю, Анна Марковна должна была знать, что пришла Ася.* [7, с. 5]; *...а на губы была всегда натянута зачаточная улыбка, – готовая немедленно исчезнуть или рассыпаться искательным хихиканьем.* [Там же, с. 6]; *Говорят, попивает. – При этих словах Ася довольно уместно захихикала, а Анна Марковна продолжала* [Там же, с. 7]. Писательница, создавая образ своей героини, намеренно подчеркивает эту ее особенность – часто хихикать без смысла. В данном случае у читателя сразу возникает ассоциация с широко известной в русском языке вариацией перевода латинской фразы: *Смех без причины – признак дурачины* (ср. лат. *Per risum multum debes cognoscere stultum*). Когда автор описывает диалог между Анной и

Асей, то для характеристики действий Анны использует нейтральные глаголы: *спросила, сказала, отвечала нормально и спокойно*, а для описания Аси берутся глаголы сниженной окраски: *...понимаяще затрясла головой* [Там же, с. 6]; *Я купила несколько, – соврала она. – Очень красивые* [7, с. 6]. Глагол *соврать, совру, соврешь*; сов. (разг.) в авторской речи использован вместо книжного глагола *солгать* [6]. По отношению к Асе писатель не использует высокую, книжную лексику даже в ремарках, поэтому *затрясла головой, соврала* и под. Несмотря на то, что Ася немного не в себе, Анна всегда помогает ей, дружит с ней, она всегда терпелива. Через восприятие других героев можно понять, что только Анна по-доброму относится к Асе. Л. Улицкая при описании их отношения к Асе использует сниженную, просторечную глагольную лексику, например, при характеристике действия мужа Анны при виде Аси: *Увидев Асю, он кисло хмыкнул, спросил у нее, как дела, и, не дожидаясь ответа, ушел в смежную со столовой спальню, закрыв за собой двойную стеклянную дверь* [Там же, с. 6]. Очевидно, ему Ася не нравится, даже раздражает, потому что однократный вариант глагола *хмыкнуть* от глагола *хмыкать* (разг.), который связан с звукоподражанием «хм», используется в знак выражения недоумения, иронии, недоверия и других подобных чувств [6], а здесь выражает явное презрение. Но у Анны вообще другое отношение к Асе: *Наконец Анна Марковна спохватилась, что всего этого Асе знать вовсе не надо.* [7, с. 7]. По свидетельству словаря: *спохватиться* (разг.) внезапно заметить упущение, вспомнить о чем-нибудь забытом [6], то есть Анна в какой-то степени оберегает Асю, но в то же время не считает нужным ей все рассказывать в подробностях. Если в характеристиках самих героинь четко противопоставлены глаголы по стилю, то реплики Анны Марковны также не лишены разговорности: *Отец – домоуправ, инвалид. Говорят, попивает.* [7, с. 7]. Использование просторечного приставочного образования *по-пивает* вместо *вы-пивает* сразу вскрывает значение «понемногу, но часто пить вино» (прост.) [6], другими словами, пьет с удовольствием, пьянствует.

Людмила Петрушевская занимает особое место среди представительниц русской женской прозы. Современные критики называют ее рассказы «прозой новой волны», так как в них есть композиционная и стилистическая необычность, переосмысление известных произведений классики. Начало творческого пути Л. Петрушевской связано с драматическими произведениями (пьесы, сценарии), а в 1992 году была опубликована

ее первая повесть «Время ночь», которую часто называют вершиной ее прозаического творчества. Кроме этой повести, у Л. Петрушевской выходят романы, сказки, сборники рассказов, пьесы, она выступает как сценарист фильмов и мультфильмов для детей и взрослых: «Пуськи бятые» (цикл сказок, 1984), «Квартира Коломбины» (сборник пьес, 2007), «Два царства» (сборник рассказов и повестей, 2009), «Нас украли. История преступлений» (роман, 2017), «Никому не нужна. Свободна.» (2017) и др. Пьесы и рассказы Л. Петрушевской побуждают человека задуматься о жизни, о смысле и цели своего существования на земле.

В результате исследования произведений Л. Петрушевской мы пришли к выводу, что для создания экспрессии в художественном тексте, для стилизации разговорности повествования писатель обращается к семантике самих глагольных лексем, чаще всего употребляет их переносные значения. Благодаря употреблению лексики разговорного стиля она усиливает воздействие на читателя, так как использует разговорные и даже просторечные элементы при описании обычных событий в сюжетной линии, прежде всего в авторской речи: *Поволжец, кстати, принял в партию пятнадцатилетнего подростка Маяковского, после чего тот загремел в Бутырскую тюрьму и впоследствии из партии вышел.* [8, с. 11]. Глагол *загреметь* в этом контексте используется в его переносном значении: *загреметь* 1. Начать греметь. *Загремел гром.* 3. *посудой.* 2. Шумно упасть (прост.). 3. *с лестницы.* 3. Сразу лишиться высокого положения, должности (прост.). *Наш начальник загремел.* [6]. Это просторечное выражение при описании жизненных перипетий героя призвано вызвать у читателей полное понимание ситуации, ведь чаще всего это яркое экспрессивное выражение используется с негативной коннотацией. Кроме этого, глагол *загреметь*, по своему происхождению являясь звукоподражательным (производится громкий звук, подобно грому), получает особую разговорную экспрессию при контаминации 1 и 2 словарного значения. Л. Петрушевская для характеристики своего героя, старого большевика Вегера по кличке Поволжец, описывает в том числе его живое участие в жизни известной исторической личности – поэта Владимира Маяковского. Но использование глагола *загреметь* снижает созданный образ, одновременно поддерживая иллюзию разговорной речи, ведь повествование в рассказе ведется от 1-го лица.

Привлекает внимание функционал глагола в следующем контексте: *До сих пор московский транспорт тархтит по специально оставлен-*

ному историческому булыжнику между площадью Восстания и метро «Баррикадная». [8, с. 11]. Используется глагол *тархтит* (разг.). 1. Производить шум и треск. *Колеса тархтят по булыжнику.* 2. Трещать (в 3 знач.), тараторить [6]. На наш взгляд, писательница употребляет этот разговорный глагол *тархтит* не только для описания звука, производимого транспортом, когда тот движется по оставленному в исторической части Москвы булыжнику, но и подчеркивает неизменность бытия, совмещение временных рамок: *до сих пор тархтит*, то есть существует и в наше время. Следовательно, можно отметить, что умение усиливать экспрессию, придавать некую разговорность всей фразе за счет употребления семантики глаголов – характерные творческие приемы создания выразительности в художественном тексте, которые умело использует Л. Петрушевская в своих произведениях.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выделены авторские приемы стилизации разговорной речи на уровне использования глагольной лексики в произведениях представительниц современной русской женской прозы. Надо отметить, что включение в художественный текст самих разговорных элементов не только усиливает экспрессию, но и создает особый колорит непринужденности, легкости повествования, близости к читателю. Важно подчеркнуть, что каждый писатель при использовании разговорной глагольной лексики обращается к разным приемам стилизации. Язык произведений Дины Рубиной характеризуется активным использованием звукоподражательных глаголов для создания законченности картины повествования, включая звуковую сторону действительности, порой писатель прибегает к созданию окказиональных употреблений, проводятся ассоциативные семантические связи между значениями глаголов. Людмила Улицкая создает особую разговорную экспрессию в своих произведениях за счет использования разговорных, просторечных элементов не только в речи героев, но и в речи автора-повествователя. Точная работа по использованию семантических оттенков в значениях разговорных и просторечных глаголов отмечена в произведениях Людмилы Петрушевской.

Список источников

1. Попова И. М., Любезная Е. В. Феномен современной женской прозы. // Вестник ТГТУ. Тамбов, 2008. Т.14. № 4. С.1020–1024.

2. Рабжаева М. В. Женская проза как социокультурный феномен. // Идеология студента. СПб, 2000. С. 3–16.

3. Использование глаголов в художественных текстах. Studexpo. URL: https://m.studexpo.ru/index.php?option=com_content&Itemid=106&id=130948&lang=ru&task=view (дата обращения: 15.02.2022).

4. Эдельштейн Михаил. Интервью с Диной Рубиной. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/215/edelshteyn.htm> (дата обращения: 15.02.2022).

5. Рубина Д. Больно только когда смеюсь. М.: Эксмо, 2010. 384 с.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 12.03.2022).

7. Улицкая Л. Бедные родственники: Рассказы. М.: Изд-во АСТ, 2018. 221 с.

8. Петрушевская Л. Никому не нужна. Свободна: сборник. М.: Изд-во «Э», 2018. 324 с.

References

1. Popova, I. M., Liubeznai, E. V. (2008). *Fenomen sovremennoi zhenskoj prozy. Vestnik TGTU*. [The Phenomenon of Modern Women's Prose]. Vestnik TGTU. T 14, No. 4, pp. 1020–1024. Tambov. (In Russian)

2. Rabzhaeva, M. V. (2000). *Zhenskaia proza kak sotsiokul'turnyi fenomen. Ideologiya studenta*. [Women's Prose as a Socio-Cultural Phenomenon. The Student's Ideology]. Pp. 3–16. St. Petersburg. (In Russian)

3. *Ispol'zovanie glagolov v khudozhestvennykh tekstakh. Studexpo*. [The Use of Verbs in Literary Texts. Studexpo]. URL: https://m.studexpo.ru/index.php?option=com_content&Itemid=106&id=130948&lang=ru&task=view (accessed: 15.02.2022). (In Russian)

4. Edel'shtein, Mikhail. *Interv'iu s Dinoi Rubinoi*. [Interview with Dina Rubina]. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/215/edelshteyn.htm> (accessed: 15.02.2022). (In Russian)

5. Rubina, D. (2010). *Bol'no tol'ko kogda smeius'*. [It Hurts Only When I Laugh]. 384 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

6. Ozhegov, S. I., Shvedova N. Iu. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Rossiiskaia akademiia nauk. Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. Moscow, Azbukovnik. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

7. Ulitskaya, L. (2018). *Bednye rodstvenniki: rasskazy*. [Poor Relatives: Stories]. 221 p. Moscow, Izd-vo AST. (In Russian)

8. Petrushevskaya, L. (2018). *Nikomu ne nuzhna. Svobodna: sbornik*. [Nobody Wants Me. I'm Free: A Collection of Stories.] 324 p. Moscow, Izd-vo "E". (In Russian)

Библиографический список

1. Бычкова О. А. Проблема симулякра в постмодернистской литературе (на материале произведений А. Битова, Т. Толстой, В. Пелевина): автореф. ... канд. филол. наук: Москва, 2008. 19 с.

2. Виноградов В. В. Современный русский язык. Морфология. М.: Просвещение, 1952. 349 с.

3. Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 63–112.

4. Высочина Ю. Л. Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой: на материале романа «Кысь»: автореф... канд. филол. наук: Челябинск, 2007. 26 с.

5. Голуб И. Б. Русский язык и практическая стилистика. Справочник. М.: Юрайт, 2012. 464 с.

6. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (дата обращения: 15.03.2022)

7. Земская Е. А. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 230 с.

8. Зумбулидзе И. Г. «Женская проза» в контексте современной литературы // Современная филология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 21–23. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/409/> (дата обращения: 20.03.2022).

9. Кожина М. Н., Дускаева Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

10. Новиков Л. А. Развитие словесного образа в художественном тексте / Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. М.: Miscellanea. 2001. С. 166–176.

11. Плотникова Е. А. «Настоящие сказки» Л. С. Петрушевской в контексте традиционной культуры: дис. ... канд. филол. наук: Йошкар-Ола, 2011. 196 с.

12. Славина В. А. В поисках идеала. Литература, критика, публицистика первой половины XX века. М.: Издательство ФЛИНТА, 2005. 320 с.

13. Титарева Л. Д. Женская проза как феномен современной российской культуры (на примере Забайкальского края): дис... канд. культурологии: Чита, 2015. 158 с.

14. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

15. Широкова Е. В. Художественные эксперименты в русской женской прозе конца XX века: Поэтика языка и времени: дис. ... канд. филол. наук: Ижевск, 2005. 151 с.

References

1. Bychkova, O. A. (2008). *Problema simulyakra v postmodernistskoi literature (na materiale proizvedenii A. Bitova, T. Tolstoi, V. Pelevina): avtoref. ... kand. filol. nauk* [The Simulacrum Issue in Postmodern Literature

(based on the works of A. Bitov, T. Tolstoy, V. Pelevin): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 19 p. (In Russian)

2. Vinogradov, V. V. (1952). *Sovremenniy russkii yazyk. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphology]. 349 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

3. Vinokur, T. G. (1968). *Stilisticheskoe razvitiye sovremennoy russkoi razgovornoj rechi* [Stylistic Development of Modern Russian Colloquial Speech]. *Razvitiye funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo yazyka*. Pp. 63–112. Moscow, Nauka. (In Russian)

4. Vysochina, Yu. L. (2007). *Intertekstual'nost' prozy Tat'yany Tolstoy: na materiale romana "Kys"*: avtoref... *kand. filol. nauk* [Intertextuality of Tatyana Tolstaya's Prose: Based on the Novel "Kys": Ph.D. Thesis Abstract]. Chelyabinsk, 26 p. (In Russian)

5. Golub, I. B. (2012). *Russkii yazyk i prakticheskaya stilistika. Spravochnik* [Russian Language and Practical Stylistics. A Reference Book]. 464 p. Moscow, Yurait. (In Russian)

6. Golub, I. B. (1997). *Stilistika russkogo yazyka: Ucheb. posobie* [Stylistics of the Russian Language: A Textbook]. Moscow, Rol'f; Airis-press, 448 p. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (accessed: 15.03.2022). (In Russian)

7. Zemskaya, E. A. (1973). *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Colloquial Speech]. 230 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

8. Zumbulidze, I. G. (2011). *"Zhenskaya proza" v kontekste sovremennoi literatury* ["Women's Prose" in the Context of Modern Literature]. *Sovremennaya filologiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, aprel' 2011 g.)*. Ufa, Leto, pp. 21–23. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/409/> (accessed: 20.03.2022). (In Russian)

9. Kozhina, M. N., Duskaeva, R., Salimovskii, V. A. (2008). *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. 464 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

10. Novikov, L. A. (2001). *Razvitiye slovesnogo obraza v khudozhestvennom tekste* [The Development of a Verbal Image in a Literary Text]. *Izbrannye trudy*. T. 2. *Ehsteticheskie aspekty yazyka*. Pp. 166–176. Moscow, Miscellanea. (In Russian)

11. Plotnikova, E. A. (2011). *"Nastoyashchie skazki" L. S. Petrushevskoi v kontekste traditsionnoi kul'tury: dis. ... kand. filol. nauk* ["Real Fairy Tales" by L. S. Petrushevskaya in the Context of Traditional Culture: Ph.D. Thesis]. Ioshkar-Ola, 196 p. (In Russian)

12. Slavina, V. A. (2005). *V poiskakh ideala. Literatura, kritika, publitsistika pervoi poloviny XX veka* [In Search of the Ideal. Literature, Criticism and Journalism in the Early 20th Century]. 320 p. Moscow, izdatel'stvo FLINTA. (In Russian)

13. Titareva, L. D. (2015). *Zhenskaya proza kak fenomen sovremennoi rossiiskoi kul'tury (na primere Zabaikal'skogo kraia): dis. ... kand. kul'turologi* [Women's Prose as a Phenomenon of Modern Russian Culture (based on the Trans-Baikal Territory): Ph.D. Thesis]. Chita, 158 p. (In Russian)

14. Khimik, V. V. (2000). *Poehtika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [Poetics of the Low, or Vernacular as a Cultural Phenomenon]. 272 p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPBGU. (In Russian)

15. Shirokova, E. V. (2005). *Khudozhestvennye ehksperimenty v russkoi zhenskoi proze kontsa XX veka: Poehtika yazyka i vremeni: dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic Experiments in Russian Women's Prose at the End of the 20th Century: Poetics of Language and Time: Ph.D. Thesis]. Izhevsk, 151 p. (In Russian)

The article was submitted on 04.04.2022

Поступила в редакцию 04.04.2022

Колосова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hkolosova@yandex.ru

Ли Мэни,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
limengyi8888@163.com

Kolosova Elena Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru

Li Mengyi,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
limengyi8888@163.com